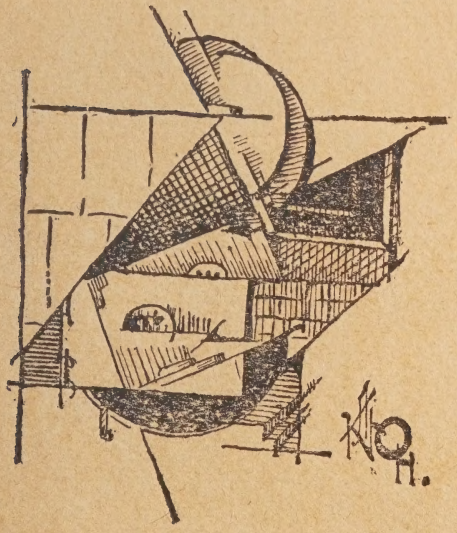
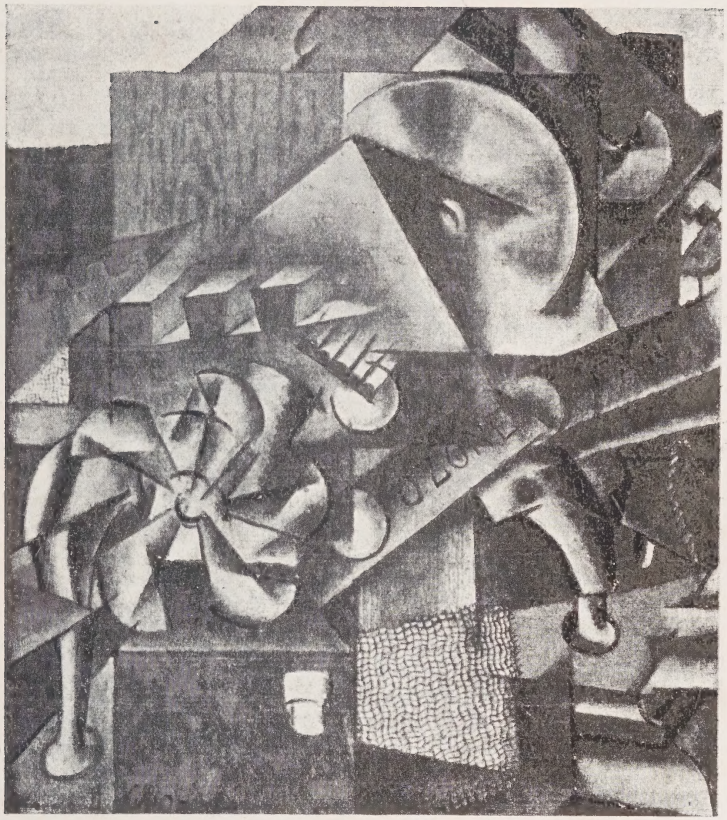
А. Крученых,
И. Клюн,
К. Малевич.

ТАЙНЫЕ ПОРОКИ *академиков*



1916 г.



И. Клюнъ.

Озонаторъ
(электрическій переносный вентиляторъ).

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/tainyeporokiakad00kruc

Сонные свистуны.

Тайные пороки академиков.

Случай—игра тормошат запуганнаго человѣка, жажда наживы стерла всѣ лица как рельсы трамвая и 16 дюймов кажутся новѣе и одушевленнѣе!

Одно живое!..

Уйти из города в лѣс символов и шептать дорогія имена, сместь великую грязь нахлынувшей злобы и скользить в лодкѣ гордаго одиночества...

Злоба дня — что может быть мудрѣе этого слова? все однодневное не вѣчное—зло!..

Только,—ядовитая муха толпы не превратится-ли в скорпіона безлюдья?

Уже уходили в пустыни горѣвшіе тоской от современности и пошлости — попытки не новыя — еще старѣе результаты!..

. . . . . .

В нашей литературѣ уход явно обозначился с „Демона“.

Это он мурлыкал (хотя воображал что плачет и проклинает):

я к одиночеству привык
я б не умѣл ужиться с другом
. . . . . .

и на другой лад:

если счастьем дорожил ты
то зачѣм его дѣлил ты
для чего не жил в пустынѣ?..

Надо быть гордым и независимым--так гнусявит и прокаженный бѣс символизма:

свобода только в одиночествѣ
какое рабство быть вдвоем!

(Ѳедор Сологуб).

„Это нектар отчаянія... искристая нѣга жестокости и борьба за божественную власть“ — так захлебываясь увѣряет критик (Закржевскій „Лермонтов и современность“).

Покричат: отчаянье! отчаянье!—и хорошо им дѣлается как от удовлетвореннаго самолюбія!

И носятся со своими страданіями и душею как барышни с прической... Только порою в пустынѣ как то не уютно:

нельзя ни плакать ни молиться
отчаянье отчаянье...
. . . . .
пугает кто-то мукой ада...

а пастух бросает в эти слова безшабашный мяч:

ой дид ладо
ой дид ладо!..

Смертельному отчаянью мѣшают то ад то гармошка!..
не сумѣл побѣдить современность не мог жить с другим, вдвоем, но еще хуже пожил в одиночку—
куда пойти?
думал было один мужиком стать—но это грубо и трудно..
Чѣм бы жизнь онездѣшить?
барышни? или гордыя свѣтскія красавицы?
но с ними тоже тяжело, слабенькій человѣк от них и в пустыню убѣжал!

Все это так реально!

Надо преобразить жизнь мечтой, ксати и обстановка настраивающая:

в ночной пустынѣ только холодныя, вѣчно недоступныя звѣзды да морская волна ласкающая как мертвая рука—

мои мечты—жемчужный водомет
средь лунных снов...

(А. Бѣлый)

любят уединенные и студенный ручей, уснувшіе водоемы, вечерніе парки под сѣрой вуалью и застывшіе точно из слоновой кости зданія (картины и поэзія Борисова-Мусатова, симфоніи А. Бѣлаго, стихи Кузмина о старинѣ и проч.).

Или шелестящіе камыши
гнѣздятся там гады там змѣи шипят
и посреди них—русалка у которой глаза—тоскующіе
цвѣты...

если трудно мнѣ *жить*
если тяжко *дышать*
я в пустыню *уйду*
о *тебѣ помечтать*

(Ѳ. Сологуб)

„грѣхами молодости“ пахнет, а он воображает—стихи...

Совсѣм холодными да одинокими не могут быть и в пустынѣ, а сгорѣть боятся (таково напр, признаніе Гоголя, А. Бѣлаго и др.).

И вот приходится мечтать

или другими словами:

не любовь а влюбленность, допускающая лишь поцѣлуй—как поучает хлопотливая Гиппіус...

И теплится неугасимый огонь в келіи пустынника

И переблескивают глаза величиной в серебряный рубль —почему именно этот размѣр?—

И дѣва о которой мечтают — это конечно не реальная грубая барышня или цыганка, а воздушное доброе созданіе

закрывая глаза я цѣлую тебя—
безтѣлесен и тих поцѣлуй
ты глядишь и молчишь не губя не любя
в колыханьи тумана и ствуй.

—

Я плыву на ладьѣ—и луна надо мной
подымает печальный свой лик
я плыву по рѣкѣ—и поник над рѣкой
опечаленный чѣм-то тростник...

ты молчишь не любя... в любви этих мечтателей должна быть безнадежность и недоступность —

пускай могильною землею
засыпан я
моя любовь всегда с тобою...

из могилы голос этих мертвецов... и та, о которой мечтают, не женщина хотя как бы и женщина, с тѣлом русалки, что бѣло как свѣтящійся фарфор не покрытый глазурью, и глазами полными лазурнаго огня.

или как говорит современный пустынник о своей недоступной дамѣ:

и перья страуса склоненныя
в моем качаются мозгу
и очи синія бездонныя
цвѣтут на дальнем берегу

(А. Блок)

кто-то в серьез назвал этого мечтателя пѣвцом Невскаго, а его „прекрасную незнакомку“ — женщиной с Невскаго— мы думаем что даже для послѣдней это обидно...

Рыцарь незнакомки сдѣлал прозрачной тайну одиночества Владимира Соловьева
(как опасно имѣть преданных учеников!)

В. Соловьев, идя от Лермонтова, взял одну часть его творчества, но самую сокровенную и развил ее в пространных трудах и стихах.
и если в послѣдних не был велик, зато цѣлен и типичен.

От него уже „вѣчная женственность“ пошла по русской литературѣ как знамя „добра искусства и красоты

„Вѣчно женственная безплотная жена еще дѣвочка с лазурными очами“ (опять!)—вот она мистическая лилія всѣх тѣлесных и духовных одиночек и гордых недоносков, экстазных воздыхателей и шептунов, бездѣльников и трусов с высохшими ножками, декадентов и символистов, сдѣлавших „этот мір“ безплотным во имя своей хромающей плоти—

мнѣ нужно того, чего нѣт на свѣтѣ
чего нѣт на свѣтѣ...

Гдѣ они встрѣтятся со своей прекрасной дамой — на звѣздѣ Маир или Ойлѣ—странѣ мечты и сна,—на водопадѣ Иматрѣ или в Египтѣ сохранившем еще древнія пустыни, бедуинов и страусов—все равно—обстановка равно задумчивая и уединяющая—

взрывая возмутишь ключи—
питайся ими и молчи...

(Ѳ. Тютчев).

Пріемный сын Сологуба разоблачает отца:

мы выключили электричество
луна в стеклѣ

и Ваше свѣтлое владычество
моя Ойле.
дымится снѣг голубо-фьолевый
в снѣгу—шалэ
„благоговѣя друг *оголивай*
свою *Ойле*...

Такова далекая „звиздочка“ и мистерія ночи.

Ну а если не найдут удобнаго тихаго мѣстечка если вездѣ подсматривают злые люди и вещи (тучка в мягкой обуви, подымающаяся торчком улица, заговорный нож вилка и карты) то можно все это надуть—уединиться при всѣх, впасть в транс от одного вздоха и тогда не только на мосту но и на Невском и в кабакѣ среди лакеев и пьяниц появится *она* с загадочной улыбкой как будто строгая с длинной и узкой рукой—
вот оно счастье, блаженство неземное!

и когда я в небесном в тоскѣ замираю
хозяйка с улыбкой предлагает мнѣ чаю!.

З е р ц о г.

Пьесы наших одиночек строятся по естественному шаблону: сперва хныканье, вздыханіе и шепот, чарованье глазами сомнабул и змѣй, очами смотрящими по ту сторону жизни

это томленіе разрѣшается экстазом — мгновеніем утонченнаго счастья „небесной муки“—и опять тишина и забвеніе
смерть —
от шепота к смертному храпу от голубых глаз величиной в рубль до мѣднаго пятака на глазах

и от диванов счастья до подушек
гроба —
таков путь Саломеи, пьес Блока, Метерлинка и др.

Молодого сирійца предупреждают: не смотри так на луну, не смотри так *долго* на царевну—а то случиться несчастье!
но тот конечно не слушает ибо „царевна блѣдна... она как голубка, которая заблудилась... она как нарцис колеблемый вѣтром...
(не оттого ли и у женщин Достоевскаго великое страданіе в глазах и онѣ так блѣдны?..)

Луна как женщина и женщина как больная луна
и в воздухѣ рѣяніе крыл смерти а всѣ облиты томящим свѣтом тоскующей Селены
танцует дѣвственная Саломея-Селена и мутнѣют глаза солдат, Нарработa и Ирода
всѣ заражены томностью танцующей луны но и сама Селена заражена—она покойник и она же гробница
она как слѣпая или парализованная смотрит только в одну сторону шаг за шагом подвигаясь туда
она тоже смотрит на бѣлое, как лоно луны, когда она покоится на лонѣ моря, тѣло Іоканаана
и шепчет:

„твои волосы похожи на гроздья чернаго винограда, что висят в виноградниках Эдома в странѣ эдомитов...
нѣт твои волосы ужасны... точно узел черных змѣй, которыя вьются вокруг твоей шеи...“
и наконец:

— нѣт ничего краснѣе твоего рта... дай мнѣ поцѣловать твой рот...—

только поцѣловать! но томность ея ядовита и смертельна для обоих: Саломея цѣлует губы, как края обнаженной раны, но уже мертвыя—живых ей никогда не поцѣловать— и поцѣловав умирает сама—иначе не могло быть—необычайная сила томленія рождает такую смерть...

О. Уайльд был женщиной в тѣлѣ мужчины — потому так понятны ему были именно такія переживанія, не осуществленіе, а только желаніе мечта парадокс...

В то время как санинец замѣтит прежде всего упругія груди и колыхающіяся как у молодой кобылы бедра, а по другому даже мотор „как жеребец заржал“, у мечтающих на первом планѣ блѣдныя ноги, длинныя руки, бездонные глаза и мечтательныя губы...

. . . . . .

У Метерлинка также женщина еще пугливый ребенок (Пелеас и Мелизанда) а юноша как красная дѣвушка и говорят они о чем-то для них тайном, шепотныя слова откуда то, за третьей дверью—и все же их подслушивают, и когда они поцѣлуют друг друга—то умрут...

Простыя вещи у Метерлинка одухотворяются ибо онѣ должны быть томными, должны одухотворить закачать и вызвать экстаз...

Простое слово повторят 100 раз под ряд фантазія убогая словарь ничтожный и вот — извиваются изламываются—все сдѣлают чтобы преобразить мір по своему вызвать чудо—ибо их жизнь должна быть напряженной особенной и

во что бы то ни стало—красивой! в этом смысл их жизни!

. . . . . .

У А. Блока в „Балаганчикѣ“ от невѣсты к смерти даже перехода нѣт—это одно и то же и завѣдуют всѣм этим — мистики (думаем что тут небольшая ошибка в словѣ)...

В „Незнакомкѣ“ вздыхает семинарист (сцена в кабакѣ): и танцовала она, милый друг ты мой, как небесное созданіе.

— Эка эка Васинька-то наш размечтался заалѣл как маков цвѣт! А что она тебѣ за любовь-то? За любовь-то что? а?..

— Так бы вот взял ее и унес бы от нескромных взоров и на улицѣ плясала бы она передо мной на бѣлом снѣгу как птица летала бы. И откуда мои крылья взялись—сам бы полетѣл бы за ней над бѣлыми снѣгами...

Это тѣ же самые бѣлые голуби Саломеи—образ невинности!

Но семинарист не одинок в своем одиночествѣ — всѣ вздыхают по Незнакомкѣ—и юный поэт и старый звѣздочет и даже свѣтскія дамы!..

и вот среди изліяній этих вѣрных сердец раздается зловѣщее—

б р и!

и „все вертится кажется перевернется сейчас. Корабли на обоях плывут вспѣнивая голубыя воды. Одну минуту кажется что все стоит вверх ногами“. Такова ремарка; а вѣдь кажется простое словечко вродѣ три бери и ничего страшнаго и грознаго в нем нѣт.

Но если вы внюхаетесь в него — то вас сразу ушибет особый острый запах и озарит.

Так вот что значит бри и почему он повис тут в воздухѣ!..

Нѣмецкая тройка.

Ницше как амазонка не мог найти достойной пары и вѣчно-женственное ему замѣнила мудрость.

„Мудрость есть женщина — признался базельскій отшельник—я хотѣл бы имѣть от нея ребенка".

И так много лѣт он наслаждался своею мудростью и одиночеством.

И, как поэт, воспѣл божество весело танцующее на острых ледяных вершинах. Он был поэтом но полюбил отвлеченную мудрость потому что любил одиночество, и бѣжал от книги (трижды опостылѣвшей) хотя весь был пропитан ею даже больше, чѣм одиночеством.

Это был демон дерзкій до головокруженія и утѣшало его лишь одно—божество сотканное из электрических да и нѣт, легконогое с воздушным станом, предчувствіе босоножек Дункан, воплощеніе танцующей Саломеи—
„выше выше подымайте свои ноги!"

И снова то же: ужас ссоры одинокаго со всѣми и сладкій мир и мір в границах я.

Философскіе умы издревле были одиноки — и тѣнь Ницше Канта и Шопенгауэра рѣшительно бы потеряла свое значеніе без одиночества.

В прошлом г. Вл. Эрн утрамбовывая свою рѣчь гносеологическими формулами доказывал что Кант в своем феноменализмѣ—евнух, а его категорич. императив бездѣйственный.

Но все же тайное умиленіе не покидало Кенигсбергскаго отшельника.

А кто знает какія неиз'яснимыя радости переживал Шопенгауэр любуясь созданной им картиной великой гибели міра, тот поймет многое!

И череп Канта и суровыя брови Шопенгауэра и холодныя вершины Ницше странно сливаются в одно дополняют

друг дгуга и образуют легкій хоровод пляшущих туманных божеств у которых упруги только ноги...

И никакія вѣсомыя дѣвушки лежавшія по бокам и согрѣвавшія старость Шопенгауэра не могли соперничать с ними!..

Біографія луны.

Луна древняя очаровательница, свѣтившая Парису при похищеніи Елены и дѣлавшая томными наших бабушек с томиком Тургенева—ее не могли забыть новые воздыхатели!

1000 вѣков поэзіи смотрит на нас с луны!

Вот извѣчный предмет для мечтателей, тоскующих одиночек, безнадежно влюбленных, вот их голубая роза!

Старая лгунья обмани их!

И она посмѣялась над ними как никогда!

Ибо не было еще таких томных и млѣющих людей.

Ибо появились декаденты с водяными ногами, люди—міровыя проросли со дна морей и Петроградских болот, холодные инкубы и русалки, одинокія дѣвственницы и вѣчные мертвецы с неподвижным смѣющимся взглядом на холодном лицѣ

И начали скопом вздыхать на луну — да, конечно, но до боли в горлѣ, до хрипоты, насморка и слез, до потери сознанія. . .

Братья! сестры!
войте, лайте на луну!..

(Ѳ. Сологуб).

Или в другом мѣстѣ:

...Ты не поймешь, что живу не напрасно,
Что мой *подвиг собачій* чего-нибудь стоит
Вѣдь в полночь никто так *печально и страстно*
Как я, на луну не завоет...

Март 1914 года. (Ѳ. Сологуб).

Недаром в нѣкоторых губерніях *сологубить* и значит заниматься онанизмом!

Любовь и томленіе до боли, до мучительнаго завыванія псов, до садизма—чтоб не вздыхали больше! Схватит башмак или шапку (Гамсун, Кузмин) жует, цѣлует ее и воет. И тогда случилось нѣчто необычайное и невиданное — чистый лик Діаны, такой круглый и сіяющій, добрый и понятный—сморщился, скис и почернѣл!

спеленат лежу покорный
лежу я очень давно,
а мѣсяц черный пречорный
глядит на меня в окно.

(З. Гиппіус).

Конечно от болѣзни почернѣла:

молода и прекрасна
безнадежно больна
смотрит на землю ясно
и безстрастно луна.

(Ѳ. Сологуб).

Дни ея сочтены и вот свершилось

вышла книга будетлян: „дохлая луна“,

гдѣ поется о жалкой безкровной вшѣ ползущей по истасканной подкладкѣ небес—
но и это в послѣдній раз!
Луна подохла—

и отнынѣ забракована и выброшена из обихода поэзіи как ненужная вещь, как стертая зубная щетка!...

. . . . . .

Тѣль (але стиль) литераторовъ.

Сонный свист!

однообразный, тонкій засасывающій, царство об'ятое конвульсіями сна—спят сморщенные лбы щеки и волосы спят полинявшія деревья, птица вздрагивая одной догой повисла в воздухѣ...

в пустынѣ улиц подымается дымок вѣтра и пронизывает свистом уши с одного конца земли до другого... металлическія вещи покрылись ржавчиной,

швист швист—кричат двери, но их никто не слышит

люди разучились говорить и только по вечерам со сна свистят....

в тоскѣ безумных сожалѣній
к ея ногам упал Евгеній
она вздохнула и молчит
и на Онѣгина гладит
без удивленія без гнѣва...
его больной угасшій взор
молящій вид нѣмой укор—
ей внятно все.

вот только и слышно пронизывающее уши: с — с— с... и еще: ени ени ени... или —

Онѣгин добрый мой пріятель
родился на брегах Невы
гдѣ может быть родились вы
или блистали мой читатель

вот еще любимое: тся

поэты бѣгут глагольных риѳм потому что онѣ очень доступны и потому что переполняют стих разными: ѣл... те... ся... тся... но Пушкин перенес это внутрь и простору для *ся* и *тся* стало больше! всего „Евгенія Онѣгина“ можно выразить в двух строчках:

ёни — вони
се — и — тся

Сонный свист торжествует!

Слякость ползет!

но бѣдный читатель уже в школѣ так напуган Пушкиным что и пикнуть не смѣет и до наших дней „тайна Пушкина“ оставалась тайной

вот еще примѣр:

От Тріумфальных ворот прачешная
счет г-ну Ющинскому:

1 простыня . . . . . 5 к.
2 крахм. рубахи . . . . 20 „
5 воротничков . . . . . 30 „
2 пары манжет. . . . . 20 „
3 наволочки . . . . . 9 „
1 фуфайка. . . . . 5 „

если сравнить эти строки с 8-ю строчками из „Онѣгина“—
в тоскѣ безумных сожалѣній и т. д.
то окажется: стиль их выше Пушкинскаго! в самом дѣлѣ: на восьми строчках счета мы видим такія рѣдкія и звучныя буквы русичей: ы, щ, ф, ю, ж... (и так рѣдки онѣ в романѣ) вообще тут больше звуков чѣм у Пушкина и нѣт ся—ся, те—те и проч.

Тут видим и цифры—что дает зрительное разнообразіе.

И если стиль писателя опредѣляется количеством слов то должен мѣриться и количеством букв—буква то же слово (звук форма и образ.). Жидок Пушкин—но таков Лермонтов и всѣ реалисты и символисты:

и звуков небес замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли...

или:

...*безтълесенъ* поцѣлуй (Ѳ. Сологуб) — та же околесица и слякотца.

вѣчная женственность нынѣ
в тѣлѣ нетлѣнном на землю идет...

(В. Соловьев).

Тошно жить тошно дышать среди этого сопѣнія и сипѣнія.

а они еще поддают: завели аллитерацію чтоб в каждом словѣ вы уже обязательно встрѣчали какую-нибудь милую парочку

пе — пе — пе
пи — пи — пи
се — се — се
ля — ля — ля

и т. д.

а если даже и звучная буква то будучи повторена 20 раз подряд она становится надоѣдливой и глухой
символисты знали аллитерацію но невѣдома им *алфавитація.*

В их поэіи (да и в міровой) исключительно сонный ритм салоннаго танца (раз два три) ритм любви или крѣпко спящаго человѣка...

любите любите любите
хвалите хвалите любовь

(Бальмонт).

Может ли быть что нибудь мертвѣе и однообразнѣе?

тише тише засыпаю
не буди меня —

говоря словами самого Бальмонта...

Даже у итальянцев: фа̀ра фа̀ра фа̀.
рата рата та
. . . . . .

Не было ни одного стиха подобнаго лихой рубкѣ подобнаго будетлянскому:

дыр бул щыл
у бѣщур
скум
вы со бу
р л эз

(„Помада“).

Или еще чистый спондей:

зю| цю| э| спрум|

(„Возропщем„).

Потому мы и говорим что мы единственные в мірѣ живые люди.

Но... развѣ мертвецки спящіе слышат?...

Разсматривать ли наших поэтов со стороны их идей или с чисто словесной приходим к одному выводу!

Уже указано почему луна умерла, но была и чисто техническая причина: раньше был мѣсяц—золотое сомбреро и луна серебрянная раковина или чудная прелестная, гордое чело богини и т. д.

Потом стала мѣдной, а ночь желѣзной.

Но наконец стало дурным тоном говорить о ней в таком тонѣ и вот читаем: мѣсяц корявый черный (т. е. деревяный), луна как мочевой пузырь (Лафорг) наконец больная и дохлая.

Если эпитеты перваго рода уже умерли то второго сразу стремятся туда же!
Нехорошо говорят о лунѣ, но тоже о солнцѣ, о звѣздах наконец о всей природѣ, а в том числѣ и человѣкѣ—всѣ эпитеты умерли.

Когда замѣтили что они не тверды в ногах пробовали их ставить на голову, чтоб не быть смѣшными сами дѣлали смѣшное—но это явные признаки конца!

Хлѣбников пишет про улицу:

и из чугуннаго окурка
твои Чайковскій и мазурка—
(„Изборник“).

Но что означают эти окурки: патроны пули шрапнель и как их представлять—трудно догадаться.

И у других:

заштопайте мнѣ душу...
женщины вы смотрите устрицами из раковин
вещей
спокойный душу на блюдѣ несу.
(Маяковскій).

Говорят что поэт Батюшков сойдя с ума произносил такія фразы.

Эпитеты трещат и кувыркаются вездѣ.

Прежде в Серпуховском уѣздѣ пѣли:

глаза вы карые большіе
очаровали вы меня,

а теперь

глаза вы как автомобили
очаровали вы меня!..

Литература лубок и сумасшедшій дом подают друг другу руки!

Но подохли не одни эпитеты, а всѣ слова и крайне чуткій к ним Хлѣбников уже вмѣсто луна пишет леуна,

вмѣсто ночь—ночерь, вмѣсто авіатор—рша,—лѣтец лѣтица и даже цѣлые стихи:

о день и дзень и динь!
нуочь и ночь и ничь
всеобщаго единства!

(„Изборник").

Но конечно неологизм не всегда понятен и напр. Брюсов нашел что дебошь Хлѣбникова не хорош ибо похож на французское слово, а оказывается что надо читать его дé-бошь (от дебелый)

то же с риѳмой: она теперь непонятна изломана и не лѣпа:

через
рѣзче
или: корова
театр
(оа—а).

Поэзія зашла в тупик—и это не выдумка злых будетлян!

Возьмем № журнала за 1915 г. изд. Суворина и там прочтем:

Хотят *зарѣшить* тебя, Русская земля, хотят *выкопать* глаза твои кроткіе. *Полая* ты стоишь, *запростали* мѣсто измѣною...

Недолукій, *шохом*, скрывающійся от опасности, с сердцем, как черствая *коковка*, *ноброжье безчастное*, русскій *невпр... чернядь безпрокая*, *колотырчики*... и т. д.

(А. Ремизов).

На половину непонятные современному читателю слова!

Чѣм это хуже Хлѣбникова?

И если у Суворина так пишут, что же дѣлать либералам?

Писать по „Задушевному Слову"?..

Неологизмов, непонятных, темных неправильных и спор-

ных выраженій и слов полно у современной литературы— их много у Ѳ. Сологуба и Бальмонта, у З. Гипіус и С. Городецкаго (отчасти это было указано выше)—
у Брюсова и Сѣверянина их накопилась такая тьма что пришлось выписывать в объемистый том (А. Шемшурин „Футуризм в стихах Брюсова").

Мы имѣем таким образом не личную злую выдумку, не случай и не сумасшествіе, — нѣт это просто *современный стиль.*

Человѣк уже видит что бывшія до него слова умерли и пытается подновить вывернуть на изнанку, положить заплатку—чтобы выглядѣть богато и нарядно...

Нѣт, будем откровенны и лучше останемся в одном нижнем чѣм бродить по Невскому в заплатанном Тришкином кафтанѣ!..

Поэзія зашла в тупик и единственный для нея почетный выход

не употреблять выживших образов эпитетов и слов— перейти к заумному языку:

сарча кроча буга
навихроль
опохромѣл...

(Садок Судей II).

Совершенно не похоже на умершую литературу!

Ничто тут не стѣсняет человѣка и никаких сдѣлок с художественной совѣстью ненужно!

Не желая творить на допотопном языкѣ тѣм паче не желаем быть „ни в тих ни в сих" и поем как можем только мы

смѣлые и задорные:

Плясовая:
кваб
тарад

пин
  пур
квара
  куаба
вабакр
  трбрк
бркtр
. . . .

Уйдем ли мечтать в пустыню узнав какова она и что там дѣлают уединенные?!.

Но не пойдем и в другую Америку—болтовню о крайней современности как патентованном средствѣ от всѣх бѣд и недугов—эта тема не выше всякой иной!

будем вѣрны слову как таковому
и в нашем искусствѣ исходить
из него, извнутри его задач—
будем рѣчетворцами
а не смѣхотворцами!..

А. Крученыхъ.

Душегубство творки Є. Гуро.

Мы убили душу! дыромоляйцы!

на самолетѣ свинья в ермолкѣ—а отроки и дѣвы внизу двигают медленно шар земной...

Гоги іоги оглохли... всѣ спят человѣки...

Елена ясная одна стоит здѣсь а очи ея на тонкой шеѣ за облаком

верблюжья шея и семь горбов
и не страшно
жует блаженными губами цѣлый куст
кто упадет там хрипит и долго...

а морда без шерсти восковая обернется и полыхнет на нее пламя сѣры брома и хлора

дымом зачернило весь запад кровь звенит!.. Ржавь грызет провода...

Толстобрюхіе блохобойцы с тяжкими молотами примахались...

и поднялась длинная метелка чугуннаго журавля — небеснаго верблюженка—выше всѣх звонов и земель и запѣла голосом в коем видны нарывы:

звени звени моя осень,
звени мое солнце!

знаю я отчего сердце кончалося—
а кончина его не страшна—
отчего печаль перегрустнулась и отошла
и печаль не печаль—а синій цвѣток.

все прощу я и так, не просите!
Приготовьте мнѣ крест—я пойду,
да нечего мнѣ и прощать вам:
все, что болит, мое родное
все, что болит, на землѣ—мое благословенное
Я пріютил в моем сердцѣ все земное
и отвѣтить хочу за все один.
звени звени моя осень...
. . . . . .

(Осенній Сон).

Хей—тара!
Тере—дере—дере—ху!
Холе—кулэ—нэээ...

и не подроются под него... обступили черненькіе:

— Как за все отвѣчу?! Кто ты что можешь все прощать? Мы не позволим нам вѣдь больно и мы не привыкли! Хорошо! сбросят с горы, душу разрѣжут и потом ходи звени им на потѣху.

Но длинноногій стал увеличиваться и скрылся в дыму бросились его искать

многіе слыхали как хлопнула вверху дверь,
строгостью не проймешь—лестью купишь—
ты чуткій, радужно скорбный святой иди к нам, первый!
весь лазоревый!..

так бѣжали за ним тщедушные.

Но дерзкій журавль описав в воздухѣ круг начал опадать точно пьяный на толпу гдѣ уже замѣтное произошло движеніе—всѣ увидѣли стальной остов бѣлой птицы.

„Кто не умирал от смѣха видя
Какія выкидывает в пляскѣ журавль ко-
лѣнца
Но здѣсь смѣх пріобрѣтал оттѣнок безумія
Когда видѣли исчезающим в клювѣ мла-
денца
Матери выводили
Черноволосых и бѣлокурых ребят...“

(В. Хлѣбников).

И шептали: о птица ясная! ѣшь все
и умирали слѣдя взором

разсмѣялся журавль протяжно, захлопал крыльями и они отвалились

—о друзья калошные свистуны смерти.
то не сердце раскололося а ваши старые уши

вы привыкли слушать слова — но гдѣ ваши рѣчетворцы всю жизнь молчавшіе?

Когда будете угадывать по носам?
не поняли мычанія как поймете молчаніе?
Слушают стригики...

а под тѣнью забора животненькій лежит и хохочет:
сурожки вы сѣрые безтолковые всѣх грызете
друзья калошные куда вперед лѣзете
„да здравствуют гордыя калоши!

Кто встрѣтит в лѣсах Балтійскаго побережья пару калош без человѣчьих жалких ног—да узнает—это вѣдь мои калоши.

Они были слишком славны и велики слишком велики—чтобы держаться на ногах.

Возвышенныя!

Счастлив тот кого назовут они другом—на чьих ногах они согласятся путешествовать..

Они всегда презирали меня...

Они были так благородно независимы и салонно воспитаны—что почти никогда не оставались в передней... Нѣт! И я замѣчал это лишь тогда, когда они уже успѣвали достойно заслужить вниманіе всѣх сидящих в гостинной...“

(Садок Судей II).

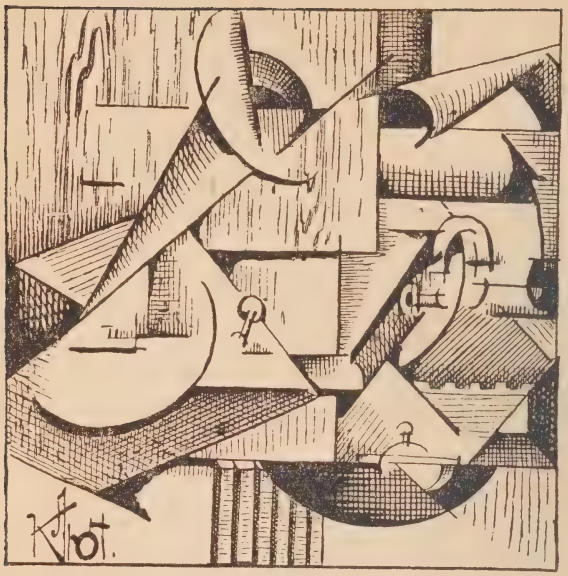
. . . . . .

не вмѣщается творь ни в бывшіе законы ни в бумагу: за
явною пругвой глядит заумь
вершок бумаги открыл Сибирь
лѣнь дикая татары и буяны

—Это-ли? нѣт-ли?
Ти-и-и, ти-и-у-у
Эх Анна Марія Лиза
Хей—тара!
Терэ—дерэ—дерэ—ху!
Холэ—кулэ—нэээ...

(„Трое“).

морочь? нѣт! Ѣшь прямо
ногою не дрыгаш тюлень
„—илѣнь
к полдню стала теплень
на пруду сверкающая шевелится шевелень...“



. . . . . .

— Гм, да! может это и хорошо... не ппонимаем — но допустим...

Только вѣдь скучно это—словечки да буковки
безконечное заумное
вы бы что-нибудь занимательное написали
этак листов в 200, да в прозѣ
ну „войну и мир“ там что-ли.

— Рады вам услужить начнем роман... Она красавица он недурной брюнет с хищными зубами

$$x + y + z$$

Такова уже классическая форма!

„Гомер говорит: Нирей был прекрасен Ахил еще прекраснѣе. Елена обладала божественной красотой—но нигдѣ не пускается он в подрооное описаніе красоты. *А между тѣм содержаніем всей поэмы служит красота Елены*". (Лаокон XX гл.) Итак если Елена для нас x то и красота ея y—получаем формулу

$$x \cdot y = x \cdot y$$

и т. д. Что „Елена прекрасна" ничего не говорит потому что и Навзикая прекрасна и Марія и т. д. Какова же именно Елена — неизвѣстно. Гомер пытается изобразить ее так: „старцы народа... уже не могущіе в брани, но мужи совѣта... сильные словом", лишь только увидѣли идущую к башнѣ Елену, „тихія между собой говорили крылатыя рѣчи":

Нѣт осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы брань за такую жену и бѣды столь долгія терпят: истинно, вѣчным богиням она красотою подобна (Иліада)

но и эти рѣчи ничего новаго не дают а между тѣм читатель, не видя Елены, не знает: осуждать ему или нѣт? не имѣя должнаго настроенія он Иліаду проглатывает как хины.

Прошли тысячелѣтія а писатели (подумать страшно) стоят на той же мертвой точкѣ.

Л. Толстой описывая Анну Каренину и мог только сказать что у нея полная красивая фигура да бѣлыя красивыя руки; у другой героини глаза просто „необыкновенные"

Обстановка героев изображена не лучше „поглядѣв за перила вниз, князь Несвицкій видѣл быстрыя шумныя, невысокія волны Энса" (Война и мир).

Почему не Волга и Нева? к X. У героя прибавляется еще z — чѣм дальше идем тѣм больше количество неизвѣстных, а извѣстных—нѣт!

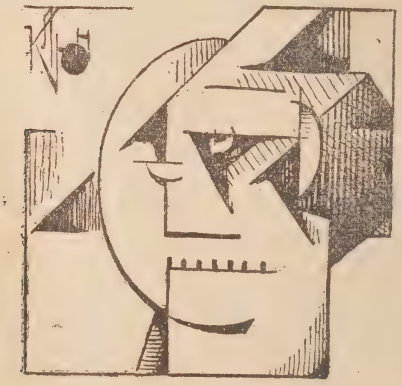
Напрасно бы мы перелистывали еще тысячи тысяч романов—больше того что у Гомера и Толстого не найдем. Но тогда вѣроятно это и не важно. Зачѣм нам *внѣшность* героев? роман может и без нея обойтись.

Но герой-то романа вряд с этим согласится—и на первых же порах возникает недоразумѣніе между ним и читателем—интересы их противоположны подходы разные, герой плюет на читателя, читатель на героя и на роман вмѣстѣ

так кончаются грандіозныя затѣи! стоило огород городить

гоняться за Прекрасной Еленой и остаться без оных?...

А. Крученых.



Примитивы XX-го вѣка.

Возвращаться вспять, значит признавать свое безсиліе в творческой работѣ.

Мы считаем, что наконец в XX-м вѣкѣ настало время покончить навсегда с принципами Эллинскаго искусства, и начать создавать другое искусство на совершенно иных основаніях.

Мы стремимся сдвинуть искусство с его мертвой точки.

Мы расширяем и углубляем понятіе о реальной дѣйствительности.

В своей художественной передачѣ мы не останавливаем жизни, как дѣлалось до сих пор, и в нашем изображеніи всѣ явленія и понятія проходят переплетаясь и преломляясь в призмѣ. Отсюда — искусство наше многогранно и всесторонне.

Но так-как всякое измѣненіе идеи искусства имѣет непремѣнным своим послѣдствіем измѣненіе формы его, то и нам прежняя форма стала непригодна.

При конструированіи новой формы искусства мы не хотѣли повторять роковой ошибки всѣх возрожденій и художников реставраторов, — мы не обратились к старинным мастерам и *античным принципам*, что неизбѣжным образом каждый раз приводило искусство быстро к тупику; мы не хотѣли также возвращаться ни к лубкам, ни к прежним примитивам и прикидываться малограмотными; и перед нами встала во всем своем величіи грандіозная задача созданія формы *из ничего*.

Приняв за точку отправленія нашего прямую линію, мы пришли к идеально простой формѣ: прямым и круглым плоскостям (в словѣ — звук и буква). Простота формы обусловливается также глубиной и сложностью наших задач.

Глубоко ошибаются тѣ, кто полагают, что мы творим (по своему, конечно) в кругу искусства даннаго времени, — нѣт, мы вышли из этого круга и стоим уже на порогѣ новой эры, новых понятій, и в наших произведеніях вы не находите уже ни одной знакомой вам черты. Для вас — загадочныя картинки, а для нас совершенно реальный язык для выраженія наших новых чувств и понятій.

Мы примитивы в XX-м вѣкѣ.

И когда общество переживает величайшій кризис во всем, а искусство дрябло и истерично,—мы исполнены величайшаго подъема и творческой работы. Нападки шаблонных критиков, которые видно сами уже не вѣрят в то, что защищают, издѣвки толпы только удесятеряют наши силы и энергію, и в сознаніи грандіозности наших задач и что путь нами избран правильный,—в нас царит глубокая вѣра в свой труд, среди окружающаго нас безвѣрія.

И. Клюнъ.

Художники пишущіе для театра художественныя вещи как-то: дно ямы, вишневые сады, мизераріумы, ревности — занаваживают не только свои головы, но даже побуждают других строить отдѣльные амбары как-то: Художеств. театр— в Москвѣ, Своб. театр. Гдѣ наглядным образом забивают в зрителѣ всякую способность видѣть настоящее.

Поэтому главным образом обращаюсь как к болѣе дѣятельным художникам—Куприну, Андрееву, Юшкевичу, Горькому не заполнять свои книги разными отбросами дна города и деревень.

За вас это сдѣлает городская Управа и свезет в болѣе надлежаще мѣсто.

Художнику разум нужен только для домашняго обихода, а художники употребляют его в картину.

Обезьяна нанизывала очки на хвост и нюхала.

За ненадобностью я отказываюсь от души и интуиціи, 19 февр. в 1914 году я отказался на публичной лекціи от разума.

Предупреждаю об опасности — сейчас разум заключил искусство в 4-хстѣнную коробку измѣреній предвидя опасность 5-го и 6-го измѣреній я бѣжал, так как 5-е и 6 измѣр. образуют куб в котором задохнется искусство.

Бѣгите пока не поздно.

Достоевскій по наивности сказал: „На то и ум чтобы достигнуть чего хочешь“.

Поэтому вмѣсто художественных произведеній написал умные.

Высшее худож. произведеніе пишется тогда когда ума нѣт.

Отрывок такого произведенія:

— Я сейчас ѣл ножки телячіе.

Удивительно трудно приспособится к счастью проѣхавши всю Сибирь.

Всегда завидую телеграфному столбу. Аптека.—

Конечно многіе будут думать что это абсурд но напрасно

стоит только зажечь двѣ спички и поставить умывальник.

К. Малевич.

Тип. И. Д. Работнова. Москва, уг. 3-й Тверск. и Оружейнаго пер., домъ 2/5.

SPECIAL 88-B
29298

GETTY CENTER LIBRARY

КНИГИ БУДЕТЛЯН

А. Крученых *Заумная гнига* цвѣтная гравюра О, Розановой.

В. Хлѣбников *Ряв* рис. Малевича. ц. 60 к.

„ „ *Изборник* рис. Филонова ц, 70 к.

Побѣда над солнцем опера Крученых—Матюшина—Малевича ц. 60 к.

И ДРУГІЯ. В МАГАЗИНАХ:

Петроград: „Земля“ Невскій 55, Вольфъ и др,

Москва: Карбасников, „Наука“ и др.

Возмущайтесь:

даже враги русских футуристов отдают должное их подвигам:

Наши футуристы серьезно а может быть и не без причины претендуют на роль пророков в настоящей войнѣ... по пророчеству сам Вильгельм II в оперѣ главный похититель солнца...

Футуристам свою оперу не мѣшало бы повторить что бы публика могла воочію убѣдиться как бред... неожиданно можетъ найти аналогичные отзвуки и краски в нашей сегодняшней кошмарно-кровавой дѣйствительности.

К. Баранцевич „Б. В.“

„Футуристы исправляют ошибкн, допущенныя их предшественниками-символистами... Футуристы доводят „заумный“ элемент, присущій всяким надмірнымъ исканіям, до предѣла. Но вѣдь яркость и смѣлость самоопредѣленія не недостаток, а достоинство в литературѣ“ *А. Рѣдько* „Русское Богатство“ VII книга 1913г. и III-я 1914г.

„Хлѣбников талантлив... у него 1) хорошая ритмика, 2) сильно развитое чувство суффиксов и приставок, 3) любовь к корню слова“ *С. Городецкій* „Рѣчь“.

„Я поставил бы памятник **освободителю стиха В. Хлѣбникову.**

„Шиповник“ 22 книга. „Лица и Маски“ *К. Чуковскій.*

„Удивительно хороша и тонко-ядовита брошюра „Черт и рѣчетворцы“... Здѣсь Крученых подложил мину под всю русскую литературу, начиная с Гоголя и кончая Сологубом... Тут всѣ наши „неприкосновенные“ авторитеты и старцы осмѣяны, и осмѣяны зло, с бѣшенством вызова, с огнем и злобой“...

А. Закржевскій „Рыцари Безумія. Футуристы“.

„он так грандіозен и грозен, что всю нашу эпоху я готов назвать эпохой Крученых! Если бы провалились мы всѣ, а остался один только он, вся наша ЭРА до ниточки сберeглась бы для грядущих вѣков. Как к концу XVI в. в Елизаветинской Англіи не мог не возникнуть Шекспир, так в Москвѣ в началѣ XX в. не мог не появиться Крученых“.

К. Чуковскій.

Цѣна **50** коп.